

АВТОНОМНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НARRATIVA: КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИСКУРСА ЦЕРКОВНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»¹

**AUTONOMOUS EXPRESSION
OF HISTORICAL NARRATIVE:
CONSTRUCTION OF THE DISCOURSE
OF ECCLESIASTICAL INDEPENDENCE
IN THE TALE OF BYGONE YEARS²**

*Chang Yukai
Ma Jingyang*

Summary: The article examines the problem of the formation of the religious and cultural autonomy of Ancient Rus' in «The Tale of Bygone Years.» Using narrative analysis, the study identifies strategies employed by the Orthodox clergy to construct an independent discourse. It is proven that, despite an outward commitment to Christianity, the text contains a hidden distancing from Byzantine authority. This is manifested in the legend of the Apostle Andrew, the pragmatic depiction of the baptisms of Olga and Vladimir, and the preservation of elements of pagan ethics. The chronicle's narrative served as a tool for asserting Rus's religious and political subjectivity.

Keywords: historical narrative, narrative analysis, The Tale of Bygone Years, religious autonomy, national identity, cultural syncretism.

Чан Юйкай
кандидат филологических наук, постдокторант,
Пекинский университет
chang.yukai2015@yandex.ru

Ма Цинян
кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Китайский нефтяной университет (Худун)
majingyang@mail.ru

Аннотация: В статье на материале «Повести временных лет» исследуется проблематика становления религиозно-культурного суверенитета Древней Руси. Применяется метод нарративного анализа для реконструкции дискурсивных стратегий, направленных на конструирование церковной независимости. В работе установлено, что при внешнем соблюдении православного канона текст содержит имплицитные стратегии дистанцирования от византийского религиозно-политического авторитета. Данный тезис подтверждается интерпретацией ключевых исторических эпизодов. Делается вывод об инструментальной функции летописного нарратива в утверждении религиозно-политической субъектности Руси.

Ключевые слова: исторический нарратив, нарративный анализ, Повесть временных лет, религиозная автономия, национальная идентичность, культурный синкретизм.

В 988 г. от Рождества Христова великий князь Киевской Руси Владимир ввел христианство в качестве государственной религии, тем самым инициировав многовековой процесс глубокого взаимодействия и синтеза между древнерусской народностью и христианской цивилизацией. Данный судьбоносный исторический процесс оказал неизгладимое воздействие на формирование духовного мира русского народа. Однако характер взаимодействия религиозного и национального начал отнюдь не сводился к простому, одностороннему принятию и ассимиляции. Внутри этого сложного диалога содержалась настойчивая, непрекращающаяся попытка древнерусского общества отстоять свою самостоятельность на уровне религиозного самосознания. Детальный анализ ключевого источника «Повести временных лет» (далее —

«Повесть») позволяет выявить и исследовать проявления этой глубокой активности древнерусского народа в процессе усвоения христианства. Хотя текст «Повести» был составлен духовенством Русской Православной Церкви, его нарративная ткань содержит скрытые элементы сомнения и даже сопротивления религиозному авторитету Византии. От стратегических соображений прагматического характера, сопровождавших крещение княгини Ольги, до сугубо практического подхода великого князя Владимира при выборе государственной веры — все эти моменты с очевидностью демонстрируют последовательные усилия древнерусских правителей, направленные на сохранение независимости национального вероисповедания даже в процессе принятия новой религии. Эта настойчивая тяга к религиозной самостоятельности

1 Исследование выполнено в рамках гранта «Исследование национального характера через призму древнерусской литературы: источникование текста» (номер проекта: GZC20240054); гранта «Исследование русского национального характера в контексте философии сверхчеловека» (номер проекта: 2024KJE004).

2 The research was conducted under the grant "Study of National Character Through the Prism of Old Russian Literature: Textual Source Studies" (Project Number: GZC20240054); and the grant "A Study of the Russian National Character from the Perspective of the Philosophy of the Superman" (Project Number: 2024KJE004).

глубоко укоренена в фундаментальных чертах национального характера древнерусской народности. Как точно подметил философ Н.А. Бердяев, русскому народу имманентно присуща двойственность, сочетающая в себе восточные и западные черты. Подобное уникальное геокультурное положение, с одной стороны, стимулировало активное усвоение элементов иноземных цивилизаций, а с другой — неизменно способствовало сохранению интенсивного чувства субъектности на протяжении всего этого процесса.

После Крещения Руси в 988 г. возникает закономерный вопрос: насколько эффективным оказалось усвоение христианства древнерусским обществом? Была ли реализована изначально декларируемая идея религиозной автономии? Каково было подлинное отношение Руси как к самой христианской вере, так и к Византийской церкви, выступавшей в роли ее проводника? На эти сложные вопросы «Повесть» дает определенные, хотя и не лежащие на поверхности, ответы. Однако для их обнаружения недостаточно поверхностного прочтения текста; требуется кропотливая работа по выявлению в деталях нарратива свидетельств борьбы древнерусского народа за независимость своего вероисповедания. Настоящая статья ставит своей целью, опираясь на скрупулезный анализ текста «Повести», исследовать механизмы, посредством которых древнерусский народ в процессе принятия христианства стремился к обретению религиозной самостоятельности и конструированию автономного дискурса веры.

Авторство первоначального текста «Повести временных лет» традиционно приписывается монаху Киево-Печерской лавры Нестору Летописцу. Однако завершение этого масштабного летописного свода стало результатом коллективных усилий множества древнерусских церковных деятелей, трудившихся над ним на протяжении длительного времени [1, с. 5–20]. Следовательно, с высокой степенью обоснованности можно утверждать, что «Повесть» представляет собой памятник, отражающий коллективное сознание и консенсус православного духовенства Древней Руси. Именно в этом произведении нашли свое выражение — пусть и опосредованное — ключевые для древнерусских церковных кругов проблемы: восприятие соотношения привнесенного христианства и автохтонного «старого мира», процессы религиозной самоидентификации, а также неизбежные конфликты между иноземными социальными представлениями и местными традиционными устоями.

На поверхностном уровне «Повесть временных лет» безусловно представляет собой произведение, написанное с последовательно христианских позиций. Она полностью интерпретирует происхождение Руси через призму христианской космогонии, открывая основной текст прямым библейским нарративом. История Ноева

ковчега представлена как подлинная хроника, а древнерусская народность возводится к Иафету (Яфету) — библейскому сыну Ноя. Согласно «Повести», после Потопа Иафету достались северные и западные земли мира, охватывающие большую часть Европы к северу от линии от современной Испании до Ирана. Славяне же, согласно летописной генеалогии, происходят от потомков Иафета — нориков, расселившихся по Восточной Европе и разделившихся на чехов, сербов, моравов, русов и другие племена. Однако Русь обладала и собственным автохтонным пластом религиозных верований. До Крещения 988 г. господствующей формой сознания было язычество. Важно подчеркнуть: древнерусское язычество не являлось единой религией в строгом смысле. Ему были чужды унифицированная догматика, единый ритуал и централизованная иерархия. По сути, это был конгломерат разнородных, но не антагонистичных верований, порожденных представлениями о природе.

Со существование на Руси этих двух систем верований — язычества и христианства — неизбежно порождало глубинные противоречия в общественном сознании. Как происходило усвоение христианства? Каковы были его особенности? Разные группы имели свое видение. Взгляд церковной среды, создавшей «Повесть», наиболее полно отражен в ее описании этого процесса. Приятие христианства Русью неминуемо вело к конфликту с языческим миропорядком. И «Повесть» наглядно демонстрирует этот конфликт мировоззрений. Противопоставление «языческого старого мира» и «христианского нового мира» после Крещения — сквозная тема летописи. Этот конфликт проявляется на двух уровнях:

1. Индивидуальный: Личная трансформация конкретных персонажей (напр., княгини Ольги).
2. Социальный: Изменения в сознании и практике общества после 988 г.

Эти уровни неразрывно связаны между собой в тексте Повести: сдвиги в общественном сознании ярче всего раскрываются через призму личных судеб.

Следует вновь подчеркнуть, что процесс создания «Повести временных лет» явился плодом коллективных усилий множества православных церковных деятелей Древней Руси. Именно эта соборность творчества преобразует летопись в уникальный документ, кристаллизующий общие идеологические установки древнерусского церковного сословия. Важно понимать: «Повесть» не является строго документальной хроникой, фиксирующей лишь достоверные факты. Поступки её персонажей далеко не всегда отражают реальные исторические события [2, с. 25–36; 3, с. 26; 4, с. 305–313; 5, с. 5–25]. Однако устойчивые модели поведения ключевых персонажей (особенно положительных героев русской стороны), а также глубинные мотивации их поступков, несомненно, отражают коллективные представления и подсознатель-

ные устремления самих создателей летописи. Через эти смысловые константы летописцы — сознательно или нет — транслировали читателю определенные системные идеи. Подобная трансформация мировоззрения и составляет предмет дальнейшего анализа.

Апостол Андрей: Обход византийского посредничества

Уже в рассказе «Повести» об апостоле Андрее Первозванном прослеживается скрытая тенденция к утверждению религиозной самостоятельности Руси. Хотя историческая достоверность самого предания о путешествии Андрея по русским землям вызывает сомнения [2, с. 25–36; 3, с. 26], сам факт его создания, распространения и принятия церковной средой, а также его смысловая нагрузка являются ключом к пониманию религиозного менталитета древнерусского духовенства.

Повествование о святом Андрее помещено авторами в самую начальную, мифологизированную часть летописи, лишенную точных хронологических ориентиров. Такой намеренный хронотоп (помещение в «неподдающуюся проверке» эпоху) создает эффект вневременности и неопровергимости. Это может служить важной цели: предотвратить возможные контраргументы о более раннем присутствии иных христианских миссионеров. Деяния Андрея, связанные с Русью, изложены лаконично и обладают четкой символической направленностью, концентрируясь на трех ключевых событиях:

1. Пророчество о Киеве: На холмах у Днепра апостол предрекает возникновение великого города, закладывая тем самым сакральные основания будущей столицы Руси;
2. Освящение банныго обряда: В Новгороде, наблюдая за местным обычаем париться в бане, Андрей провозглашает его действие, удивительно схожее с христианским таинством крещения («омовения»). Этим устанавливается глубинная связь между древней славянской культурной практикой и сутью христианского обряда;
3. Апостольский маршрут: Путь Андрея пролегает через ключевые центры будущей Руси — от южного Киева до северного Новгорода, символически охватывая благословением всю её центральную территорию.

Каждый из этих пунктов несет важную идеологическую нагрузку: (1) Пророчество о Киеве служит религиозной легитимацией города как духовного и политического центра, а также предвосхищает будущее Крещение; (2) Сближение банныго ритуала с крещением представляет собой попытку ассимиляции местной традиции в христианский контекст, подчеркивая изначальную предрасположенность славян к новой вере; (3) Наконец, маршрут апостола символизирует непосредственную связь всей

Русской земли с первоисточником христианства — са- мими апостолами, минуя византийское посредничество. В совокупности эти три элемента создают мощный нарратив: христианство на Русь пришло не через Византию как вторичного передатчика, а было предуказано непосредственно апостолом — учеником Христа. Тем самым утверждается, что Русь — земля, изначально избранная для христианства, чьи исконные культурные коды обладали удивительным созвучием с основами христианского учения задолго до официального Крещения.

Княгиня Ольга: Воплощение старого мира на пороге нового

Для воплощения многогранных и подчас абстрактных противоречий, присущих эпохе перехода от старого языческого миропорядка к новому христианскому, фигура княгини Ольги, супруги киевского князя Игоря, выступает в «Повести» как глубоко символический и презентативный образ. Примечательно, что после пространного изложения мифологических сюжетов о происхождении человечества и Руси, летопись первой подробной индивидуальной историей излагает именно повествование об Ольге. Ее статус уникален и многочислен: «Повесть» однозначно идентифицирует ее как первую крещенную правительницу Руси. Что касается ее реального политического веса, то, вопреки мнениям некоторых историков, сводившим ее роль к положению вдовы-аристократки в скромном уделе, Ю.И. Афанасьев на основе детального источниковедческого анализа убедительно доказывает, что Ольга исполняла функции полноценного регента при малолетнем сыне Святославе, управляя всей Киевской Русью [6, с. 70–77]. Следовательно, даже с исторической точки зрения, ее действия отражали в значительной степени коллективные тенденции и вызовы древнерусского общества, оказывая на его развитие огромное, порой определяющее влияние. Противоречия переходной эпохи нашли свое концентрированное выражение именно в решениях и судьбе Ольги, что и объясняет пристальное внимание летописцев к этой фигуре.

Авторы «Повести» посвящают значительный объем текста анализу эволюции Ольги — как в ее вере, так и в поступках — после трагической гибели князя Игоря. Ключевым поворотным пунктом этой эволюции становится ее личное крещение. Хотя Ольга жила в середине X в. и скончалась до официального Крещения Руси в 988 г., факт ее личного принятия христианства и связанная с этим поездка в Константинополь занимают в летописном нарративе центральное место. Однако летопись начинает рассказ об Ольге не с крещения, а с жестокой и кровавой мести древлянам за убийство мужа. В 6453 г. (945 г. н. э.) Игорь был предательски убит древлянами (племенем «живущих в лесах») во время полюдья. Пользуясь малолетством наследника Святослава, древлян-

ский князь Мал не только предложил Ольге стать его женой, но и отправил в Киев наглый «посольский» отряд. Ольга, проявив исключительное самообладание и политическую хитрость, скрыла гнев, сделала вид, что принимает предложение, и затем, в ходе трех последовательных актов возмездия, уничтожила сначала послов (закопав живьем), затем знатных древлян (сожгли в бане под предлогом оказания почестей), и, наконец, воинов на тризне по Игорю (изрублены дружинниками). Но месть Ольги на этом не закончилась. Ее войско осадило столицу древлян Искоростень. Столкнувшись с упорным сопротивлением, Ольга прибегла к новой гениальной и беспощадной уловке: потребовав в качестве дани с каждого двора по воробью и голубю, она приказала привязать к птицам тлеющую паклю и отпустить их. Птицы, вернувшись в гнезда под соломенными крышами домов, подожгли весь город. Ворвавшиеся в охваченный огнем и хаосом Искоростень русские дружинники довершили разгром, сравняв город с землей и обратив уцелевших жителей в рабство.

В этом пространном и детальном описании Ольга предстает как властная и решительная правительница, мгновенно принявшая на себя бремя власти и отмщения. Однако летописец видит в этих событиях не только демонстрацию политической воли, но и ярчайшее воплощение суровой этики кровной мести, лежавшей в основе языческого «старого мира» [7, с. 280–283; 8, с. 419–430]. Ее действия здесь абсолютно соответствуют нормам и ценностным ориентирам дохристианского славянского общества, где такой принцип являлся краеугольным камнем социальной справедливости и порядка [9, с. 286–308]. Именно этот архетипический образ языческой княгини-мстительницы и подвергнется в дальнейшем летописном повествовании глубокой, хотя и не лишенной внутренних противоречий, трансформации.

Трансформация Ольги: Противоречия в принятии Русью христианства

Решающее превращение Ольги происходит в 6463 г. (955 г. н. э.) во время ее визита в Царьград (Константинополь), где она принимает крещение. Однако описание этого судьбоносного события в «Повести временных лет» окрашено явной иронией и почти фарсовыми тонами. Мотивация Ольги представлена отнюдь не как духовное прозрение или государственная необходимость, а как хитроумный тактический ход для избегания личной угрозы: византийский император Константин VII Багрянородный вознамерился силой взять ее в жены. Желая отказать, но не спровоцировать конфликт с могущественной империей, Ольга заявляет, что как язычница не может вступить в брак с христианином, и просит самого императора стать ее крестным отцом. После совершения обряда крещения Ольга использует новый юридически-канонический аргумент: раз император лично

крестил ее и нарек дочерью (духовной), то он становится ее кумом (крестным отцом), а брак между кумом и кумой строго запрещен церковными канонами: *Како мя ѿщешши поняти, а кръстивъ мя самъ и нарекъ мя дщерь? А въ крестьянъхъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси.* Таким образом, Ольга ловко выходит из опасной ситуации, обретая христианский статус и благополучно возвращаясь в Киев.

Ключевой символический момент заключается в единственной фразе, которую Ольга произносит во время самого таинства крещения, когда патриарх наставлял ее в основах веры: *Молитвами твоими, владыко, да съхранена буду от сѣти неприязнены.* Эта фраза приобретает глубокий подтекст в контексте повествования. Будучи первой подробно описанной и высоко поставленной русской христианкой [10, с. 200–207; 11, с. 60–69], чье крещение должно было бы изображаться как торжественное и сакральное событие, летопись фактически снижает его значение до уровня «избавления от ловушки». В этой лаконичной молитве зашифрована двойственность: обращение *Молитвами твоими, владыко* формально выражает упование на Бога, но слова *от сѣти неприязнены* (*от сети вражией/дьявольской*) недвусмысленно намекают на то, что саму византийскую императорскую власть Ольга (а через нее — и летописец) воспринимает как дьявольскую ловушку. Это — скрытое, но мощное выражение презрения к греческому церковно-политическому авторитету.

Этот эпизод особенно показателен, учитывая контекст создания «Повести». Как отмечалось ранее, это произведение, созданное в лоне Русской Православной Церкви, начинается с откровенно христианской космогонии и приписывается монаху-летописцу Нестору, а его редакторы также были церковными деятелями [12, с. 30–35]. Тем парадоксальнее, что первый детально описанный акт крещения ключевой русской фигуры представлен как pragматичная уловка, а византийский император — символ христианской власти — низведен до роли обманутого преследователя или даже инструмента в руках мудрой княгини. Эта тенденция находит прямое подтверждение в более поздней записи «Повести» под 6479 г. (971 г. н.э.), где греки (византийцы) характеризуются предельно емко и негативно: *суть бо грѣци мудри и до сего дни (ибо греки льстивы/лживы и по сей день).*

История Ольги, таким образом, это не просто рассказ о личном обращении, а глубоко политизированный нарратив, отражающий сложную игру между Киевской Русью и Византией, ее «религиозной метрополией». Политический подтекст этого сюжета заключается в демонстрации того, как Русь, принимая новую веру, стремилась контролировать ее влияние на формирование своего национального самосознания и социальных институтов, не допуская полного подчинения византий-

скому диктату. Светские правители Руси (в лице Ольги, а затем и Владимира) осознанно пытались направлять процесс христианизации, что было хорошо понято и зафиксировано церковными книжниками, создававшими «Повесть».

Политическая мудрость Ольги, столь ярко проявившаяся в физическом противостоянии с древлянами в рамках языческой парадигмы, находит свое продолжение и в интеллектуальном противоборстве с представителем нарождающегося христианского мира — византийским императором. Описание того, как она переиграла могущественного василевса на его же поле, используя его же религиозные нормы, служит мощным сигналом решимости Киевской Руси отстаивать свою честь, достоинство и интересы во взаимоотношениях с Византией. Подобный нарратив красноречиво свидетельствует о сложном, амбивалентном отношении Древней Руси к византийскому наследию: это было отношение притяжения и ученичества, но одновременно — настороженности и стремления к независимости.

Борьба за веру при официальной смене религии: Прагматизм в религиозном выборе

В научной среде существуют различные точки зрения на крещение Ольги: одни исследователи (как А.А. Шахматов) рассматривают его как первый этап христианизации Руси [13, с. 527–536], другие трактуют его как сугубо личный акт. Однако как исторические свидетельства, так и текст «Повести» единодушно указывают на то, что в данный период христианство не получило массового распространения в древнерусском обществе. А.В. Петров, детально анализируя контекст, склоняется к мнению, что визит Ольги в Царьград носил характер частного предприятия [10, с. 200–207]. Ученый аргументирует это тем, что в условиях господства языческих норм («старого мира») женщина, даже выступая регентом, вряд ли обладала полнотой власти, сопоставимой с авторитетом покойного супруга. Косвенным подтверждением данной позиции служит фрагментарность описания административной деятельности Ольги в «Повести» в течение первого десятилетия ее регентства (6453/945–6463/955 гг.). Помимо мести древлянам и константинопольского визита, летопись упоминает лишь несколько эпизодов, а период 6456–6462 гг. и вовсе представляет собой хронологический вакуум. Этот пробел — независимо от того, объясняется ли он реальным ограничением политического влияния Ольги или избирательным подходом позднейших летописцев — объективно свидетельствует о ее неравном статусе по сравнению с князьями-мужчинами.

«Повесть» далее наглядно демонстрирует живучесть языческого мировоззрения даже в княжеской среде на примере сына Ольги, великого князя Святослава Игоревича. Он не только решительно отверг христианство,

но и отказался от даже формального крещения по политическим мотивам, заявив: *А дружина ся тому смеяти начнутъ (Как же я один приму иную веру? Дружина моя станет смехаться)*. Этот страх насмешки со стороны языческой дружины красноречиво свидетельствует о силе традиционных устоев. Еще более показателен эпизод 6479 г. (986 г. н.э.), описывающий балканскую кампанию Святослава и его конфликт с Византией. «Повесть» не фиксирует ни малейших признаков религиозного трепета перед Константинополем как *священным градом*. Захватив богатый дунайский город Переяславец, Святослав, *возгордившись победою*, немедленно, без стратегической подготовки, решает штурмовать византийскую столицу. Русское войско, поддерживая князя, проявляет не страх, но языческую удаль и бесстрашие: *другая города разбивая, иже стоять пусты и до днешнего дне*. При этом воины демонстрируют практическую хитрость при выборе послов: *послаша лѣпшии мужи къ цесареви*. Это свидетельствует о полном отсутствии в сознании военной элиты Руси представления о Византии как о духовной метрополии. Для летописца (и, вероятно, самих современников) Византия оставалась прежде всего политическим соперником и источником богатств, а не сакральным центром. Социально-идеологические предпосылки для признания византийского религиозного верховенства в эпоху Святослава отсутствовали.

Исторически сложилось, что именно при великом князе Владимире, в 988 г., произошло событие, известное как «Крещение Руси» — насильственное введение христианства в качестве государственной религии Киевской Руси. Реформа носила сверхушенный, директивный характер. «Повесть» уделяет этому периоду значительное внимание, хотя и умалчивает о прямых мотивах Владимира. Примечательно, однако, что критерии, по которым князь оценивал предлагаемые религии, поражают своим откровенным практицизмом и утилитарностью.

Так, в 6494 г. (986 г. н.э.) при встрече с мусульманскими проповедниками Владимира привлек описанный ими загробный мир, полный чувственных наслаждений. Однако, узнав о необходимости обрезания (физическая боль иувечье), запрете на свинину и, что особенно важно, на употребление вина, князь немедленно и категорично отверг ислам. Его аргумент предельно ясен и основан на национальных традициях: *Руси веселье питье, не можемъ безъ того быти*. Удовольствие от питья возведено здесь в ранг культурной константы, неприкосновенной для иноземных запретов.

Далее прибыли посланцы Рима (западного христианства). Они начали с резкого осуждения языческих верований, презрительно называв славянских богов *а бози ваши — древо суть*. Владимир, демонстрируя поразительное равнодушие к оскорблению национальных святынь, немедленно перевел разговор в сугубо практи-

ческую плоскость: *Кака есть заповѣдь ваша?* Услышав о необходимости соблюдать посты, князь мгновенно утратил интерес и повелел римлянам удалиться.

Иудейские проповедники, прибывшие следом, пытались дискредитировать христианство, чтобы возысить свою веру. Однако Владимир абсолютно игнорировал теологические споры, задав свой неизменный практический вопрос о сути их заповедей. Узнав о запретах на свинину и вино, а также об обрезании, Владимир язвительно отметил отсутствие у иудеев собственного государства и также отказался от дальнейших переговоров. Этот отказ подчеркивает политический pragmatism князя: религия народа, лишенного территориального суверенитета, не могла восприниматься как основа для сильного государства.

Последними к Владимиру прибыли греческие миссионеры (представители восточного, византийского христианства). Их подход оказался более тонким и эффективным. Вместо немедленного погружения в богословские тонкости, они начали с критики бытовых и нравственных аспектов конкурирующих религий, обличая мусульман в нечистоте при бытовой жизни, а иудеев — в жестокости и даже принуждении женщин к разврату. Подобные аргументы, апеллирующие к общечеловеческим представлениям о порядке и морали, нашли живой отклик у Владимира. «Повесть» отмечает: *Си слышавъ, Володимиръ плюну на землю, рекъ: Нечисто есть дѣло.* Лишь завладев вниманием и сочувствием князя, греческий философ перешел к позитивной части — изложению основ христианского вероучения. Однако сделал он это не через сухие догматы, а через мастерски изложенные, связные библейские истории, превратившие сложные теологические концепции в увлекательное повествование. Этот нарративный метод оказался успешным: Владимир проявил живой интерес, задавая вопросы по ходу рассказа: *Что ради съ на кресте умре? и Что есть крещенье?* Философ, используя сократический метод (побуждая к вопросам для лучшего усвоения), дал символико-исторические объяснения: крест уподобляется древу, от плода которого согрешили Адам и Ева, и через которое теперь дается искупление; крещение водой уподобляется очистительным водам потопа времен Ноя, смывающим грехи и дающим новое рождение. Таким образом, через диалог и образы, греку удалось заложить основы христианского мировоззрения в сознание князя.

Процесс религиозной проповеди по своей сути является столкновением культур, импортом иноземной традиции, вступающей в конфликт с местной. В данном случае мы видим сложную игру между Владимиром, олицетворяющим традиционные ценности и pragmatism Руси, и греческим философом, представляющим духовный и культурный авторитет Византии. Контекст конца X в. определял потребности сторон: Византия стремилась

к религиозно-политической экспансии [14; 15, с. 9–15], Русь же нуждалась в мощной идеологической скрепе для укрепления государственности. Однако в ходе этого диалога Русь в лице Владимира продемонстрировала не просто пассивное принятие, а активный, критический отбор, руководствуясь прежде всего практическими соображениями о государственной пользе и культурной совместимости.

Несмотря на возникший интерес к христианству, Владимир не удовлетворился ролью пассивного recipiens. Он решил активизировать свою позицию в этой geopolитической игре. Об этом красноречиво свидетельствует событие 6496 г. (988 г. н. э.), описанное в «Повести»: без видимых внешних причин Владимир внезапно предпринимает военный поход против Византии, осаждает и захватывает стратегически важный крымский город Херсонес. Князь лично руководит операцией и последующими переговорами с побежденными византийцами. Его цель была исключительно pragmatичной и конкретной: женитьба на сестре византийских императоров Василия II и Константина VIII, царевне Анне. Столкнувшись с военным поражением, византийцы вынужденно согласились на этот брак, получив от Владимира лишь обещание принять крещение. Таким образом, само Крещение Руси предстает в летописи не как акт духовного обращения, а как условие выгодного политического договора, достигнутого силой оружия и дипломатическим наложением. Владимир добился своего, сохранив инициативу и контроль над процессом принятия новой веры.

Незавершенная трансформация ценностных установок

Неполнота смены старых и новых взглядов после принятия христианства отчетливо проявляется в тексте «Повести», где языческие традиции отнюдь не были искоренены. Так, в 6504 г. (996 г. н. э.), когда в Русской земле умножились разбои, христианское духовенство уверчивало князя Владимира отвергнуть традиционную меру наказания — взыскание виры, призываю карать преступников согласно христианским установлениям. Однако под влиянием старейшин, олицетворявших традиционные родовые структуры, и их убеждений, Владимир сохранил практику вирных взысканий. В сфере реального общественного строя и господствующих ценностных ориентиров «Повесть» не отражает полной трансформации от архаичных взглядов языческого старого мира к христианским идеалам.

Подобных примеров немало; даже на уровне морали христианство не укоренилось глубоко. Русская знать зачастую руководствовалась архаичной логикой возмездия по принципу «старого мира». Напр., в 6522 г. (1014 г. н.э.) Владимир, лишь из-за отказа сына, новгородского

князя Ярослава, вносить положенную дань, снарядил рать против собственного сына. Ярослав же, дабы противостоять отцу, не погнушался призвать иноплеменное войско. В 6575 г. (1067 г. н. э.) русьский князь Всеслав развязал усобицу. Три сына Ярослава — Изяслав, Святослав и Всеволод — выступили против него. Однако, овладев Менском, братья учинили кровавую резню над мирным населением. В этой бране понесли тяжкие потери обе стороны; для всей Руси же это стало очередным актом братоубийственной вражды, когда гибли свои же и страдали безвинные русичи.

Совокупность этих описаний рисует уникальную историческую картину принятия христианства на Руси: живой процесс, сплетенный из политических расчетов, военных столкновений, конфликта и компромисса старых и новых воззрений. Подобное повествование убедительно свидетельствует, что русьский народ в процессе усвоения греко-христианской цивилизации неизменно сохранял ярко выраженное национальное самосознание и взвешенно-критическую позицию.

Заключение

Подводя итоги вышеизложенному, систематический анализ «Повести временных лет» позволяет настоящему исследованию выявить следующее: в ходе историче-

ского процесса принятия христианства русьский народ продемонстрировал глубокое культурное самосознание и развитую субъектность. Обращение Руси к христианству отнюдь не являлось простым пассивным восприятием или подражанием, но представляло собой уникальный путь, характеризующийся активным усвоением византийско-христианской цивилизации при последовательном стремлении отстоять независимость своей веры и культурную самобытность. Используя стратегии исторического нарратива, «Повести временных лет» имплицитно, но недвусмысленно выражает стремление Руси к дистанцированию от византийского авторитета и утверждению собственной автономии в религиозной и политической сферах. Подобная установка — «принимать, не слепо подражая», укорененная в национальном характере, — не только определила уникальность процесса христианизации Руси, но и оказала глубокое влияние на раннее формирование русской национальной идентичности, предоставив ключевую историческую ремарку для понимания глубинных основ русской духовной культуры, где синтезируются синcretичность (способность к слиянию) и автономность. Настоящее исследование, осуществив скрупулезный разбор этого ключевого источника, углубляет научное понимание механизмов функционирования национального самосознания в процессе ранней локализации (адаптации к местным условиям) христианства на Руси.

ЛИТЕРАТУРА

- Лихачев Д.С., Романов Б.А. Повесть временных лет, пер. со старославянского Д.С. Лихачева, ред. Б.А. Романова, М.; Л.: АН СССР, 1968.
- Демин А.С. Художественные миры древнерусской литературы, М.: Наследие, 1993.
- Демин А.С. О типе литературного творчества создателей «Повести временных лет», в: Герменевтика древнерусской литературы, Сборник 10, М.: Наследие, 2000, С. 18–43.
- Кузьмин А.Г. Индикты начальной летописи (к вопросу об авторе Повести временных лет), в: Славяне и Русь, М.: Наука, 1968, С. 305–313.
- Толочко А.П. История Российской Василия Татищева: источники и известия, М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005.
- Афанасьев Ю.И. Образ княгини Ольги в «Повести временных лет» (Взгляд из Гдовского уезда), Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал, 2024, № 1, С. 70–77.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян, М.: Наука, 1981.
- Топоров В.Н. Святость и святыне в русской духовной культуре, Т. 1, М.: Гнозис; Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь, М.: Индрик, 2003.
- Петров А.В. К вопросу о крещении княгини Ольги, Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения, 2020, т. 25, № 1, С. 200–207.
- Полное собрание русских летописей Т. 1: Лаврентьевская летопись, СПб.: Тип. Э. Праца, 1846, С. 60–69.
- Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сюдах, СПб.: тип. М.А. Александрова, 1908.
- Георгиева Т.С. Культура России и русское православие, М.: Крафт, 2012.
- Никольский Н.М. История русской церкви, М.: Изд-во АСТ, 2004.

© Чан Юйкай (chang.yukai2015@yandex.ru), Ма Цзинян (majingyang@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»